

О Борисовѣ–Мусатовѣ¹

[67]

Quand les lilas refleuriront,
Dans ces vallées nous reviendrons

Нѣтъ пѣвца водоемовъ цвѣтущихъ садовъ и пѣвца женщины, обвѣянной дымкой минувшаго. Ваза разбита, но цвѣты долго будутъ благоухать намъ; въ этихъ цвѣтахъ творчества сказалась вся его жизнь.

Родился Мусатовъ въ Саратовѣ въ тысяча восемьсотъ семидесятомъ году. Мало знаемъ мы его дѣтскіе годы. Еще ребенкомъ онъ почувствовалъ призваніе къ живописи. Часто онъ исчезалъ изъ дома, проводилъ долгіе часы на Волгѣ, среди рабочихъ, наблюдая жизнь и зарисовывая барки, и мужиковъ, и крючниковъ, грузившихъ тяжести, или онъ уѣзжалъ съ товарищами въ лодкѣ, останавливаясь въ глухихъ деревушкахъ Поволжья. Въ годы ученія любимымъ его отдыхомъ было рисованье; въ то время онъ ходилъ въ рисовальные классы при Радищевскомъ музеѣ, гдѣ впослѣдствіи имѣлъ мастерскую. Серьезныя занятія начались для него въ московской школѣ живописи и ваянія послѣ окончанія имъ курса реального училища въ Саратовѣ. По свидѣтельству товарищей, Мусатовъ рано сталъ работать въ холодныхъ, сизыхъ тонахъ, сильно, почти жестко. Дойдя до натурального класса онъ уѣхалъ осенью 1891 года въ Петербургъ и вступилъ ученикомъ въ Академію Художествъ, гдѣ сталъ работать у профессора Чистякова; сильное вліяніе его сказалось на Мусатовѣ. Вернувшись изъ Академіи, онъ поступилъ въ натурный классъ московской школы (Мусатовъ попалъ въ очень интересный кружокъ молодыхъ товарищей). Въ немъ всегда была большая самостоятельность, и это нерѣдко вело къ

¹ Александр Средин, «О Борисове-Мусатове», *Золотое руно*, 1906, №3, 67-71.

крупнымъ столкновѣніемъ съ преподавателями; тогда уже онъ сумѣлъ найти свой внутренній путь, независимый отъ школьной догмы. Въ тогдашнихъ этюдахъ его съ натуры виденъ будущій импрессионистъ; напомнимъ его картину, бывшую на ученической выставкѣ—двухъ дѣвушекъ, играющихъ въ мячъ, написанную лѣтомъ въ Саратовѣ. Въ композиціяхъ его занимали сцены изъ жизни

[68]

деревни. Лѣтомъ тысяча восемьсотъ девяносто пятаго года Мусатовъ совершилъ поѣздку на Кавказъ; она дала ему много красивыхъ этюдовъ, гдѣ есть также зачатки импрессионизма. Съ Кавказа черезъ Крымъ онъ вернулся въ Москву, а уже въ сентябрѣ рѣшилъ ѣхать въ Парижъ, гдѣ пробылъ съ перерывами три (1895—1898) года, возвращаясь къ себѣ въ Саратовъ. Кто хоть недолго былъ тамъ, пойметъ, какая сокровищница искусства открылась для Мусатова.

По свойству дарованія ему стали близки импрессионисты, но поиски свѣта и воздуха не заслонили передъ нимъ главной его задачи — самоопредѣленія: отзвуки прошлаго уже тогда манили его. Впечатлѣнія отъ окрестностей Парижа, видѣнныя картинки модъ, старые костюмы, усилили эту струну, звучавшую всю его недолгую жизнь.

Изъ болѣе глубокихъ вліяній въ Парижѣ мы должны отмѣтить фрески Боттичелли, оставившія неизгладимый слѣдъ въ душѣ художника; оказаль вліяніе на него и Пювись-де-Шаваннь, съ произведеніями котораго по снимкамъ онъ познакомился еще въ Москвѣ. Работалъ онъ въ мастерской Кормона, гдѣ упорно и много рисовалъ, но занятія эти должны были прерваться вслѣдствіе разстроеннаго здоровья, и ему пришлось провести зиму на югѣ Франціи въ Масэ. Въ Парижѣ Мусатовъ сдѣлалъ нѣсколько прекрасныхъ эскизовъ: „Maternité”, „Поцѣлуй” и др.

Въ лѣтніе мѣсяцы девяносто шестого и девяносто седьмого годовъ имъ были написаны: портретъ на фонѣ листьевъ агавы и этюдъ къ задуманной картинѣ „Садъ”. Подготавлилась картина „Maternité”, къ которой остались лишь эскизы. Первое вполне зрѣлое произведеніе Мусатова, его „Портретъ”, написано имъ послѣ возвращенія изъ Парижа лѣтомъ тысяча восемьсотъ девяносто девятого года. Съ этого времени начинается расцвѣтъ его творчества. На этой картинѣ сестра художника и онъ самъ изображены среди освѣщенного солнцемъ сада. Краски свѣтлы; вещь написана широко и свободно. Бѣлое кисейное платье дѣвушки съ пышными складками иапоминаетъ старые годы; на столѣ лежать розы. Много свѣжаго, юнаго чувства во всемъ! Картина была выставлена въ Москвѣ на конкурсъ, но преміи не была удостоена. Въ ту же осень написанъ „Осенній мотивъ”—двѣ фигуры иа фонѣ осенней листвы.

Слѣдующее лѣто 1900 г. было рѣшающимъ для Мусатова; онъ проводилъ его съ сестрой въ Слѣпцовкѣ, старинномъ имѣніи Саратовской губерніи. Подъ этими впечатлѣніями написанъ рядъ крупныхъ произведеній: „Гармонія”, „Романсъ безъ словъ” и акварель „Quand le lilas refleuriront”. Въ Слѣпцовкѣ былъ одноэтажный деревянный домъ, довольно ветхій и мрачный, среди стараго запущеннаго парка; къ нему примыкали длинныя веранды, сплошь увитыя плющемъ; онѣ часто служили мастерской для Мусатова. Были тамъ старин-

[69]

ныя вещи и костюмы. Модель, облеченная въ криолинъ, приобрѣла стильность, дорогую для художника. Здѣсь была задумана и начата картина, иазванная „Гармонія”. Это произведеніе представляетъ собою дальнѣйшій шагъ въ развитіи художника; въ немъ сказались двѣ основныхъ черты его творчества: гармонія тоновъ и упрощеніе формы. На фонѣ клубящихся тучъ,

озаренныхъ прощальнымъ вечернимъ огнемъ, домъ съ дерепьями. На зеленой лутовинѣ передъ нимъ поэтъ импровизируетъ передъ внимательными слушательницами. Спокойствіемъ и величавой красотой вѣетъ отъ картины. Въ томъ же году написанъ „Романсъ безъ словъ”, гдѣ мотивъ intérieu'а взятъ изъ Слѣпцовки. Тамъ же написаны этюды къ картинѣ, названіе которой заимствовано изъ стариннаго романа: Quand les lilas refleuriront... dans ces vallées nous reviendrons. Есть что-то прощальное въ этихъ двухъ уходящихъ фигурахъ среди роши; чувствуешь обѣщаніе, неясное какъ отблескъ зари въ вечернихъ тучахъ, таинственное какъ шорохъ лнстьевъ. Тогда же написанъ былъ въ Саратовѣ „Вишневый садъ”. Небольшой садъ при домѣ художника былъ цѣлымъ міромъ для него,—такъ много грезъ онъ вмѣщаль. Одновременно были написаны: „За вышиваніемъ”, „Дѣвушка играющая на цимбалахъ”, „Спящая модель”, „Послѣдній лучъ”, „Спокойствіе”. Много было сдѣлано Мусатовымъ подъ вліяніемъ излюбленной имъ Слѣпцовки; но истинной колыбелью лучшихъ его произведеній стала Зубриловка—имѣніе, тогда принадлежавшее свѣтлѣйшей княгинѣ Голицыной-Прозоровской, недавно разгромленное въ стихійномъ аграрномъ движеніи. Есть что то роковое въ совпаденіи смерти художника и гибели имѣнія, которое онъ такъ любилъ.

Теперь еще мрачнѣе глядитъ полуразрушенный домъ-дворецъ съ полукруглымъ выступомъ фасада, украшеннымъ колоннами, среди мертвыхъ деревьевъ стараго парка; застыли бассейны и водоемъ, около которыхъ такъ много работаль Мусатовъ. А художникъ покоится вѣчнымъ сномъ въ далекой глуши. Первый разъ увидавъ Зубриловку, Мусатовъ тамъ не писалъ, во второй пріѣздъ сдѣлалъ нѣсколько этюдовъ. Но лучшія произведеніи тогда уже зародились въ душѣ его. Въ тысяча девятьсотъ первомъ и девятьсотъ второмъ годахъ написанъ „Гобелень”, чарующій насъ нзысканной нѣжностью блѣклыхъ тоновъ. Лѣтомъ тысяча девятьсотъ третьяго года начать былъ въ Зубриловкѣ

„Водоемъ”, опрокинувшій въ себѣ зеленый міръ деревьевъ и лазурь неба съ двумя загрязившимися фигурами на берегу; окончена картина въ Саратовѣ. Въ 1904 году въ теченіе дугъ мѣсяцевъ написаны и почти окончены картины: „Призраки” и „Изумрудное ожерелье”. Въ сѣрыхъ сумеркахъ тихо скользятъ по зелени цвѣтниковъ возлѣ дуба съ неопавшими блѣклыми листьями призрачныя женскія фігуры; вдали—фасадъ дворца.

Картина была спльно измѣнена послѣ выставки.

Рядъ двушекъ въ цвѣтныхъ, старинныхъ тканяхъ проходятъ гирляндю подь прозрачною листвою на фонѣ зеленого луга. Это—„Изумрудное ожерелье”. Это произведеніе начато

[70]

въ Саратовѣ, написано въ Черемшанѣ, гдѣ художникъ проводилъ лѣто въ мѣстности, издавно славившейся древними скитами.

Вскорѣ Мусатову пришлось разстаться со своимъ домомъ и садомъ въ Саратовѣ, и онъ переселился на житье въ Подольскъ, Московской губерніи. Оттуда онъ часто уѣзжалъ, отдавая много времени выставкамъ и товариществу; благодаря этому работаль меньше, чѣмъ хотѣль. Весною 1904 года онъ ѣздилъ за границу, гдѣ пробыль недолгое время; картины его были выставлены въ первый разъ въ Берлинѣ у Кассиреръ и въ Гамбургѣ. По возвращеніи Мусатовъ переѣхаль въ Москву. Послѣдній годъ обстоятельства сильно препятствовали ему въ работѣ; тѣмъ не менѣе сдѣлано было очень много. За это время были написаны: „Паркъ погружается въ тѣнь” и прелестныя акварели и пастели въ имѣніи Ивановскомъ г. Бахрушина. Названія ихъ: „Подъ тѣнью сосень”, „Послѣдній день” и другія. Весною 1905 года художникомъ сдѣланы были эскизы для фресокъ; „Весенняя сказка”, полная ясной поэзіи акварель въ

размытых блѣдныхъ тонахъ, и „Лѣтняя мелодія”; далѣе „Сонъ Божества” и „Осенній вечеръ”. Его увлекала мысль написать фрески, но не суждено ему было отдаться этой работѣ. Последнее лѣто онъ проводилъ въ Тарусѣ, Калужской губ., тихомъ, прелестномъ уголкѣ.

Тамъ его талантъ приобрѣлъ ту чарующую нѣжность, которой суждено было оборваться смертью. Сколько неизъяснимой грусти въ этихъ осеннихъ вещахъ! Рѣка сѣрая, меланхолическая, сжатая среди зеленыхъ береговъ съ полувоздушными призраками березъ: балконъ, освѣщенный осеннимъ солнцемъ, за нимъ группы деревь. Дана вся пышная и нѣжная гамма увяданія. Гирлянды и вѣнки изъ васильковъ на колоннахъ. Все—въ такой удивительной, чисто Мусатовской гаммѣ.

Последній эскизъ его поражаетъ зрѣлою выработанностью; глядя на него, словно переживаешь всю сложную работу творчества. Композиція — совершенна. Сколько глубокаго и нѣжнаго чувства въ трактовкѣ женскихъ лицъ, въ позахъ; сколько настроенія во всемъ! Это—только намекъ на задуманную фреску, но въ своей незаконченности онъ — какъ звукъ струны, пронесшійся тихимъ вечеромъ и пробудившій цѣлый міръ въ душѣ.

Последнее время Мусатовъ работаль безъ-устали, иногда забывая все. Здоровье его, хотя и разстроенное, не внушало серьезныхъ опасеній; смерть его явилась неожиданной. Въ послѣдній день онъ ѣздилъ на лодкѣ, былъ веселъ, ночью почувствовалъ себя дурно около 12 часовъ н, несмотря на скорую помощь, потерялъ сознание; раннимъ утромъ двадцать шестого октября тысяча девятьсотъ пятого года его не стало. Въ жизни Мусатова поражаетъ глубокая цѣльность и неу-

[71]

ловимая, тихая поэзія, такъ сказавшаяся и въ его творествѣ. Въ искусствѣ онъ былъ романтикомъ, и его любовь къ старинѣ лишь отгѣняла это; въ немъ вовсе

отсутствовала та складка археолога, то стремленіє къ точности воспроизведе-
нія, которое бываетъ у художниковъ, влюбленныхъ въ прошлое. Въ этой
любви не было предопредѣленности ни въ силу жизненныхъ условій, ни въ
видѣ отзвука впечатлѣній дѣтства. Она лишь давала исходъ романтизму его
души. Шумящія шелковыя платья, старинныя блонды и букли онъ
предпочиталъ другимъ формамъ, потому что онѣ ближе подходили къ его чисто
живописнымъ задачамъ, болѣе соответствовали его поэтическимъ грезамъ.
Безполезно искать у него археологической вѣрности; не этимъ онъ силенъ. Его
портретъ, напримѣръ, вовсе не удовлетворяетъ съ этой стороны, но въ этомъ
импровизированномъ туалетѣ дѣвушки, сшитомъ по указаніямъ художника,
чувствуется вѣяніе прошлаго. И эта нѣжная душа старины такъ сказала въ его
типахъ женщины, одухотворенной, обвѣянной дымкой минувшаго, то
склонившейся надъ вышиваніемъ, то гуляющей по свѣтлымъ садамъ, то
загрезившей у водоема. Его не стало въ самомъ расцвѣтѣ творческихъ силъ,
когда картины его послѣ долгихъ колебаній получили признаніе на Западѣ и у
насъ. Но мы вѣримъ его обѣщанію. Вновь настанетъ весна и сирень зацвѣтетъ;
тогда призраки, имъ навѣянные, вновь сойдутъ въ зеленыя долины и къ
глубокимъ водоемамъ и вновь запоетъ гармонія лучезарныхъ свѣтлыхъ сновъ
Мусатова.

Александръ Срединъ